

РУССКАЯ ИСТОРИЯ

Алексей Шишов

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

Русская история (Вече)

Алексей Шишов

Северная война 1700-1721

«ВЕЧЕ»

2021

Шишов А. В.

Северная война 1700-1721 / А. В. Шишов — «ВЕЧЕ»,
2021 — (Русская история (Вече))

ISBN 978-5-4484-8686-9

Нередко можно услышать выражение «Петровская эпоха», когда речь заходит о России на рубеже XVIII в. И это справедливо – ведь страна наша при Петре I преобразилась. Начало же этой эпохи ознаменовано Великой Северной войной, выйдя из которой Россия стала военной и морской державой, а Швеция, напротив, лишилась этого статуса навсегда. Люди и сражения бурных переломных лет предстают на страницах новой книги известного писателя-историка.

ISBN 978-5-4484-8686-9

© Шишов А. В., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Алексей Васильевич Шишов

Северная война 1700-1721

© Шишов А.В., 2021

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Сайт издательства www.veche.ru

От автора

Петровской России с началом Великой Северной войны пришлось решать многотрудные задачи государственной важности, к которым в 1700 году она была еще не готова. О ее европейской державности и военной мощи говорить тогда еще не приходилось, хотя все задатки к тому царство Романовых не раз демонстрировало.

С началом войны решалась одна-единственная сверхзадача: пробиться на берега Балтики и встать на морские торговые пути. Беломорье с портовым городом Архангельском эту задачу решить не могло в силу, прежде всего, климатических условий. Но «на Москве» хорошо помнилось, что когда Господин Великий Новгород владел немалыми землями на берегах Финского залива и удачно вел морскую торговлю.

В самом конце XVII века вызрело время, чтобы решиться вновь начать борьбу за возвращение новгородских земель-«пятин» русскому Отечеству. Однако на пути стояла мощная в военном отношении европейская держава в лице Шведского королевства, которое в злую годину Смуты окончательно лишило Московию (так тогда в Европе называли Русское царство) выхода в Балтику. Россия не раз пыталась вернуть себе балтийские берега, как это хотел сделать царь Иван IV Васильевич, после смерти прозванный Грозным, в ходе проигранной им долгой Ливонской войны.

Для успешности такой борьбы России не имела ни сильной, достаточно хорошо вооруженной и обученной регулярной армии. Петр Великий гениально продолжил дело своего отца царя Алексея Михайловича по ее созданию. Но тогдашние полки «нового строя» видятся только как прообраз регулярства, и не более того.

У России отсутствовал военный флот, хотя когда-то ватаги новгородцев бороздили воды Балтики, тогдашнего Варяжского моря. А мореходы-поморы Русского Севера отважно хаживали и на Грумант (ныне Шпицберген), и на иные острова и берега Ледовитого океана. И корабль-первенец «Орел», построенный по воле родителя Петра I, из Астрахани в Каспий так и не вышел.

Чтобы создать сильную армию и флот, требовалось военное производство, чтобы в короткий исторический срок изготовить тысячи современных орудий всех систем, десятки тысяч единиц мушкетов и иного ручного оружия, построить сотни мореходных судов – (линейных) кораблей, фрегатов, бригантин, галер, скампавей... Людей военных требовалось еще снарядить на войну: одеть, обути, прокормить, выплатить жалованье.

Войска требовалось обучить, но по отечественным воинским и морским уставам, продолжить древние традиции русского воинства. Победить в Великой Северной войне могла только армия, сильная духом. Наемники ее основой быть не могли, как в тогдашней Европе.

В огне той войны новое развитие получило отечественное военное искусство. Петр I с Россией не мог одержать верх в Северной войне и решить поставленные перед собой государственные задачи, не будь он действительно великим стратегом. Русская армия не могла «истребить» самую современную на континенте европейскую армию – шведскую, не имея передовой тактики ведения боевых действий. Первым предметным уроком в том стала нарвская «конфузия», которой, как то ни странно, Петр Великий был искренне благодарен.

Итог Великой Северной войны для мировой истории известен: Россия стала военной и морской державой, Швеция этого лишилась раз и навсегда. Экономика России военное испытание в двадцать лет выдержала, ее именитый соперник – нет. Русское царство вышло из этого исторического испытания Российской империей, Шведское королевство потеряло все свои владения на балтийских берегах, кроме Финляндии, которой лишится в пользу восточного соседа в следующем веке.

О Петре Великом за три столетия написано много. Если речь идет о Великой Северной войне, то его фигура неизменно доминирует в повествовании. Такое естественно и справедливо. Данная история «Свейской» войны раскрывает то, что далеко не всегда показывается. Здесь и действительное состояние петровской армии сразу после Нарвы, и трудность первых малых побед, и суровость законов военного времени с «легкой» руки Петра I, и что за самодержцем стояла целая плеяда талантливых полководцев и адмиралов, и поразительная неверность союзников. И самое главное: воевала вся Россия.

*Алексей Шишов,
военный историк и писатель*

Глава 1

Предыстория «Свейской» войны. Петровские военные реформы. Северный союз против Швеции. Силы сторон

Союз монархов трех государств – России, Польши и Дании – против соседнего Шведского королевства, которое длительное время вело завоевания на южных балтийских берегах, привел к началу Великой Северной войны. Так назвал ту коалиционную войну на Европейском континенте один из больших историков русского зарубежья А.А. Керсновский. Он писал: «Готовясь к войне с могущественным северным соседом (численность населения Швеции тогда превышала Россию), Петр заручился союзом с Данией и Польско-Саксонским королевством.

Дания чаяла возвращения областей, отторгнутых от нее по копенгагенскому и альтонскому мирным договорам. Как говорится, ей было за что бороться и воевать с Северным Львом, как тогда прозвали воинственного монарха Шведского королевства.

Польский же король Август II, курфюрст Саксонский, избранный (на трон) после смерти Собеского (Яна III Собеского. – *А.Ш.*) в 1697 году, надеялся этой войной, предпринятой под предлогом возврата Польше Лифляндии, упрочить свою шаткую власть в Речи Посполитой». Последующие события покажут, что Август Саксонский без поддержки России и данных ему русских войск будет чувствовать себя на королевском троне «неуверенно».

Первая «союзническая» встреча Августа II с царем Петром I состоялась в конце июля 1698 года в Раве-Русской. Три дня они иногда уединялись среди пиров и обсуждали серьезные проблемы. Единодушие нашлось сразу. Польский вельможа Ян Яблоновский, бывший тогда переводчиком, впоследствии напишет, как два монарха «заключили между собой союз без Речи Посполитой (то есть без ее польских и литовских магнатов и шляхты. – *А.Ш.*) на ту несчастную шведскую войну».

Ради справедливости можно сказать, что Северная война для Августа Саксонского оказалась гарантией его долгого пребывания на королевском престоле Польши. По совместительству он являлся коронованным монахом Речи Посполитой. Полное название польско-литовского государства звучало так: «Наияснейшая Речь Посполитая обоих народов Короны Польской и Великого княжества Литовского».

Здесь следует заметить, что Петр Великий в предстоящей борьбе за возвращение России на берега Балтики пытался сколотить более широкую коалицию против сильной тогда в военном и экономическом отношении Швеции. Большие надежды русский царь возлагал на Францию, которая при раздробленности германских и итальянских земель являлась сильной континентальной державой, имевшей династические интересы на востоке Европы. Известный французский историк Андре Моруа в своей «Истории Франции» отмечал: «...Восточная Европа быстро менялась. Когда Петр Великий превратил Россию в великую державу, он настойчиво предлагал Франции союз. Из чувства верности к прежним союзникам – Польше, Швеции и Турции – французское правительство осталось глухо к этому предложению. Тогда раздосадованная Россия сговорилась с Австрией.

Теперь обе страны совместно угрожали Польше. В качестве претендента на ее трон они поддержали кандидатуру курфюрста Саксонского, безоговорочно преданного обоим империям, в то время как кандидатом сторонников польской независимости был Станислав Лещинский, тесть Людовика XV. Королева Франции, вполне естественно, поддерживала своего отца...»

Петр I не нашел желанного понимания и у австрийского императора Леопольда I, встреча с которым состоялась в июне 1698 года в Вене. Хозяин венского двора в свои 58 лет славился осторожностью и опытностью в европейских делах, и «зажечь» его 26-летнему русскому царю не удалось. К тому же австрийцы видели в Московии только союзника в войнах с Османской Портой, и не более того. Причем такого союзника, когда даже без формального оповещения царя московитов можно было заключить в своих интересах сепаратный мир с турками. Что имперская Вена и делала с успехом для себя.

Такая ситуация изменится только через столетие, когда военный гений России полководец А.В. Суворов-Рымникский с русскими войсками отвоюет для Австро-Венгерской монархии Север Италии, а потом начнется серия войн против наполеоновской Франции с последующим Венгерским походом 1848 года Русской императорской армии во главе с генерал-фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем-Эриванским, князем Варшавским. В тех больших исторических событиях всероссийские императоры Павел I, Александр I и Николай I вновь покажут Европе свою верность союзническому долгу.

Курфюрст Саксонии (Фридрих-Август I Сильный), став королем Августом II Польским, от Великой Северной войны выиграл много. На польском престоле (одновременно являясь и великим князем литовским) он просидел треть столетия (в 1697–1706 и 1709–1733 годах) благодаря своему верному и доброжелательному союзнику в лице государя «всея России» Петра Великого. Для того, чтобы занять желанный для него польский престол, курфюрсту-протестанту пришлось официально принять католицизм. Иначе для магнатов и шляхты Речи Посполитой он мог остаться «чужим».

Здесь следует заметить, что в войну против Швеции вступила только немецкая земля Саксония, а войска Речи Посполитой в лице Великого княжества Литовского приняли участие в боях со шведами только с осени 1701 года, то есть в конце второй военной кампании. И только потом воевать стали поляки, приверженцы короля Августа II, который так и не стал обладателем сильной власти законного монарха.

Попытка привлечь к тройственному союзу курфюрста Бранденбурга, другую немецкую землю, успехом не увенчалась. Берлин решил остаться в начинающейся большой войне на европейском севере заинтересованной нейтральной стороной. В частных письмах курфюрст и русский царь называли друг друга «братом», но речи о военном союзничестве дальше этих слов не шло.

Бранденбургу тягаться в силе армии и флота со Швецией не приходилось, а от войны соседей, как в истории часто случалось, он мог оказаться в территориальном выигрыше. Немецкие государства от Северной войны выиграют хотя бы в том, что Шведское королевство не их вооруженной рукой будет изгнано с южного побережья Балтики.

Что означала начинаемая Великая Северная война для России? Значила очень многое. Речь шла о будущем великого государства, о перспективах его исторического, хозяйственного развития, о будущей державности на просторах Евразии. И о выходе России на морские торговые пути. Академик Е.В. Тарле по этому поводу отметил: «Вопрос ставился так: или останется в силе Столбовской договор 1617 года, навязанный шведским королем Густавом Адольфом Михаилу Федоровичу, и Россия признает нормальной свою полную отрезанность от Балтийского моря, или должна быть предпринята попытка вернуть в русское обладание древние русские земли, когда-то насильственно от России отторгнутые.

И Петр вступил в союз с Данией и Речью Посполитой, поставив себе целью утвердить русское владычество на побережье Балтийского моря, чего бы это ни стоило...»

...Великая Северная война 1700–1721 годов стала без всякого преувеличения суровым испытанием, экзаменом на прочность петровского Русского царства, вернее – уже новой России, только-только выходящей из рамок старой. Русской регулярной армии, молодой и неопытной, создаваемой к тому же в большой спешке, противостоял без всякого преувеличения гроз-

ный и уверенный в себе противник, сильный в экономическом и военном отношении. Армия Швеции, как показала война, с первых дней боевых действий стала серьезным экзаменатором петровской армии.

Армия Шведского королевства имела солидный боевой опыт на полях Европы в целом ряде больших и продолжительных войн. И была на континенте самой старой регулярной армией после нидерландской (голландской). Об этом царь Петр I, много интересовавшийся в юности военной историей, знал не понаслышке. Еще два века тому назад Швеция, скромно приютившаяся ныне в уголке Европы на Скандинавском полуострове, была грозой соседних стран. Польша и многочисленные немецкие государства не раз видели в пределах своих границ стройные полки победоносной шведской армии.

В год вступления на королевский престол Карла XII в 1697 году шведская армия насчитывала 60 тысяч хорошо обученных солдат и офицеров. В Швеции действовала особая система комплектования армии «природных свеев». Определенная на основе государственного законодательства группа крестьянских хозяйств объединялась в «роту», которая содержала одного солдата-пехотинца. Каждому солдату выделялся небольшой участок земли там, где находилось его жилище. Офицеры, в зависимости от должности и чина, получали от короля земельные участки с усадьбой.

В случае «убыли» солдата по разным случаям (чаще на войне), «рота», содержавшая его, выставляла нового рекрута. То есть естественная убыль шведской армии никак не влияла на ее численность. Полки формировались по земским округам, на которые было разделено королевство. Это давало полкам известную спайку и чувство землячества. Вербовкой комплектовался лишь Гвардейский полк.

Любая война таила в себе случаи исключительной важности. И потому король «свеев» имел право, не считаясь с мнением парламента, производить дополнительные наборы в армию и создавать местное ополчение. В ходе Великой Северной войны король Карл XII широко пользовался этим правом, доводя численность своей армии до 100 и более тысяч человек. При этом расходы государственной казны на экипировку новобранцев были минимальными.

Одновременно в первый год Северной войны королевские власти провели насильственную вербовку в прибалтийских Остзейских провинциях, главным образом в Эстляндии и Лифляндии. Речь шла о создании новых пехотных, рейтарских и драгунских полков для действующей армии. Примером таких новых формирований может служить Эстляндский дворянский эскадрон численностью в 700 человек.

В шведской армии традиционно служило довольно много иностранных наемников – немцев (из северной Германии), поляков, курляндцев, эстляндцев, шотландцев и других. Так, в главной королевской армии было четыре Немецких вербованных драгунских полка (всего их имелось шесть). В пехоте немалую часть солдат составляли военнообязанные жители Финляндии.

То есть о чисто шведской армии короля Карла XII говорить не приходилось: она мало чем отличалась по наемному составу от других европейских армий. Достаточно сказать, что военный наставник Петра Великого в молодости шотландец генерал Патрик Гордон в начале своей карьеры европейского наемника дважды служил под знаменами шведского монарха рядовым драгуном, то есть конным солдатом. И дважды служил в польской армии все тем же драгуном.

Карл XII с началом Северной войны имел серьезные основания оптимистически смотреть на свое полководческое будущее. Он встал во главе великолепной по подготовке сухопутной армии: опытной, дисциплинированной, хорошо обученной и снаряженной. Она состояла из 25 пехотных, 9 кавалерийских и одного артиллерийского полков. Численность королевской армии достигала 45 тысяч человек, не считая прочих войск – гарнизонных, ландмилиции, обученного и вооруженного ополчения. Вся страна была приспособлена к быстрому формированию и пополнению своей военной силы.

Можно говорить, что Швеция в силу многих причин была готова к большой европейской войне. Не случайно шведский историк П. Энглунд писал: «Ожидания больших и скорых побед, лелеемые тремя странами-заговорщиками (Россией, Саксонией и Данией в лице их монархов. – А.Ш.), как быстро выяснилось, не сбылись. Швеция оказалась готова к нападению. Никогда прежде в своей истории страна не была более боеспособна, чем на рубеже двух столетий. Настойчивые реформы Карла XII привели к тому, что страна имела большую, хорошо обученную и вооруженную армию, впечатляющий флот и (что не менее важно) новую систему военного финансирования, которая могла выдержать огромные первоначальные издержки».

Немалую роль в воинственности Шведского королевства играл сам монарх, получивший в наследство от родителя образцовую для той эпохи армию, да еще и регулярную. Его личный авторитет в армейских рядах был исключительно высок. Более того, он был любим шведской армией. Великий французский просветитель Ф.А. Вольтер так отзывался о короле-полководце Карле XII: «Он, возможно, единственный изо всех людей и по сию пору единственный изо всех королей, не имевший слабостей; ему были присущи сверх меры все добродетели героя, что делало их столь же опасными, как и противоположные им пороки. Твердость характера, переходящая в упрямство, стала причиной его катастроф на Украине и продержала его пять лет в Турции; его щедрость, вырождавшаяся в расточительство, разорила Швецию; его мужество, в безумную смелость, стало причиной его смерти; его любовь к справедливости иногда переходила в прямую жестокость; а в последние годы жизни сохранение личной власти граничило с тиранией. Его качества, из которых даже одно-единственное смогло бы сделать имя иного государя бессмертным, повлекли за собой несчастье его страны».

К началу XVIII столетия Швеция в результате успешной для нее Тридцатилетней войны завладела почти всем бассейном Балтийского моря. В Стокгольме теперь его называли своим «внутренним морем». Королевские гарнизоны располагались в крепостях по всей Прибалтике и Северной Германии. Берегами Балтики в ее западной и юго-западной части владели еще Дания и ряд небольших германских государств, флоты которых достойным соперником морской силе Швеции не являлись, и быть не могли. К тому же на датский флот ревниво смотрели Англия и Голландия, поскольку он имел выход в Северное море.

Шведский королевский флот состоял из 42 линейных кораблей, 12 фрегатов и большого числа малых судов. На борту этой корабельной армады находилось около 2700 орудий. Личный состав флота короля Карла XII насчитывал 13 тысяч матросов и офицеров с хорошей морской выучкой. «Свеи», потомки прославленных в истории мореходов-викингов, были ко всему прочему прирожденными флотскими людьми, к тому же дисциплинированными и храбрыми.

Помимо военного флота, Швеция имела около 800 торговых судов различных типов, которые легко было вооружить корабельной артиллерией собственного производства. Или превратить их в военные транспорты для переброски королевской армии и материальных средств для ее обеспечения в любую точку Балтики.

Торговый флот королевства составлял резерв флота военного. Равно и народное ополчение, достаточно обученное и организованное, составляло реальный резерв королевской армии. То есть Швеция значилась на карте Европы как сильное в военном отношении государство. Сильным как на суше, так и на море Балтийском, с отлаженным тылом и развитым военным производством. Страна имела надежное обеспечение металлом и производила любое вооружение, строила корабли всех классов, имея во все времена достаточно число обученных мореходов.

Хорошо вооруженная и обученная, опирающаяся на прочные исторические традиции, возглавляемая талантливым полководцем королем Карлом XII, шведская регулярная армия представляла собой серьезную боевую силу. Если «прямое постоянное войско» России находилось еще в стадии становления, то армия Швеции по организованности и вооружению полностью отвечала требованиям современного военного искусства. Таким образом, петровское

царство значительно уступало противнику в подготовленности к большой войне на суше, а в северных водах оно почти не имело судов, которых можно было назвать военными.

Великая Северная война, к тому же, оказалась на редкость продолжительной, 20-летней. В изначальных планах соперников на то не было даже намеков. После Петровской эпохи большую длительность в отечественной истории имела только Кавказская война, которая то пылала, то тлела длительное время. В этом она была схожа с войной Петра Великого против Швеции.

Глава 2

Нарвская «конфузия» как предметный урок на обозримое будущее. Все силы царства на устройство армии и флота

Великая Северная война началась без участия России в начале 1700 года. 7-тысячное саксонское войско польского короля Августа II (без согласия сената Речи Посполитой) в феврале вступило в Лифляндию, овладело городом-крепостью Динамунде в устье реки Западная Двина и осадило Ригу с ее сильными городскими укреплениями. В рядах саксонцев поляков и литовцев еще не значилось, хотя войну «нападением на Ригу» открывал коронованный ими монарх.

Войска Датского королевства (16 тысяч человек) под командованием короля Фредерика IV в марте начали наступательную операцию в соседней немецкой Голштинии. Гольштейн-Готторпское герцогство являлось союзником Стокгольма. Датчане взяли крепость Гузум и осадили Тоннинген. Успешное начало войны окрыляло их: теперь планировался захват шведской Померании.

Война против Швеции на заре XVIII столетия начиналась с большим территориальным размахом, в противоположных точках побережья Балтики. Но два эти вражеских вторжения без объявления войны Стокгольм не испугали. Швеция в силу многих обстоятельств была готова взять инициативу в начавшейся войне в собственные руки.

Можно утверждать, что для молодого шведского короля Карла XII начавшаяся война виделась «подарком судьбы». Он не скрывал от своего окружения, что хочет превзойти славу своего предшественника на троне Густава II Адольфа, и даже мечтал о славе Александра Македонского. В свой первый военный поход он отправлялся в 18 лет. Ему придется воевать против Дании, Саксонии, Польши, России, Норвегии, и погибнет он в 36 лет, так и не расширив шведских владений. Более того, королевство утратит в Великой Северной войне огромные территории.

Король Карл XII расчетливо решил первый удар «стратегии сокрушения» нанести по близкой Дании, начав готовить против нее впечатляющую десантную экспедицию. У портового города Карлскруна была сосредоточена корабельная армада из 42 вымпелов. В готовности стать десантом на ее борту находилась армия численностью до 20 тысяч человек. Авангардный отряд этих сил состоял из трех пехотных полков и одного гарнизонного батальона (всего 4900 человек при 51 орудии).

Посадка на корабли проходила 24 и 25 июля. Во главе с монархом, жаждавшим побед и славы, корабли с десантом отплыли к недалекому острову Зеландия. Прямо атаковать Копенгаген Карл XII не имел возможности. Шведские корабли беспрепятственно бросили якорь у селения Гумбилек, всего в 7 милях от датской столицы.

На стороне Швеции выступили морские державы Англия и Голландия, давно мечтавшие покончить с таким конкурентом в мореходстве, каким являлась тогда Дания. К Копенгагену не промедлила явиться объединенная англо-голландская эскадра под флагом адмирала Рука. Она фактически тоже участвовала в блокаде датской столицы, формально являясь нейтральной, но заинтересованной стороной. Адмирал Рук с его полномочиями явно не симпатизировал датчанам, и, в крайнем случае, готов был поддержать огнем корабельной артиллерии шведов. Но королю Карлу XII на датской земле сопутствовал полный успех.

Ситуация в начавшейся большой войне сразу сложилась не в пользу Дании. Основные силы ее армии во главе с королем Фредериком IV находились в далекой Голштинии. Столицу

же Копенгаген защищать от морского десанта противника оказалось почти никому: шведам противостоял только 7-тысячный корпус генерала Г.Х. Шака. В данном случае городское плохо вооруженное и обученное ополчение (до 8 тысяч человек) в счет не шло. Датский флот к войне на море оказался не готов.

Шведский десант высадился в Гумлебеке – населенном пункте на прямой прибрежной дороге к столице Дании. Высадку прикрывали огнем своих пушек 6 линейных кораблей и 5 фрегатов с 510 орудиями на борту. История донесла до нас такой эпизод. Когда король Карл XII, покинув шлюпку, брел по воде к близкому берегу, то спросил у шагнувшего рядом офицера королевской лейб-гвардии: «Что это жужжит?»

– Ваше величество, это свистят пули, в вас стреляют.

– Ну что же, – засмеялся Карл XII, – это будет впредь моей всегдашней музыкой...

Датчане успели стянуть к Гумлебеку всего 4 пехотных батальона, 3 эскадрона кавалерии и полевых 39 орудий. Силы эти были совсем слабые. Шведы быстро и без особого труда сломали сопротивление вставших на их пути датских войск, штыками выбили их из спешно устроенных укреплений и не торопясь победно двинулись к Копенгагену, уже надежно блокированному с моря и не способному защищаться от вражеского нападения. Сам город брать штурмом король во избежание излишних потерь в людях не думал. Он решил сперва его блокировать с моря и с суши, а потом начать осаду.

Карл XII угрожал разрушить город огнем корабельной артиллерии, если не будет заключен мир на предложенных им условиях. Датчанам пришлось принять это требование. 7 августа в замке Травендал (Травентал) близ Любека между Швецией и Данией был подписан договор на тяжелых для последней условиях. Король Фредерик IV отказывался от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признавал независимость Голштинии и обязывался уплатить Швеции ее военные издержки, то есть контрибуцию в 200 тысяч талеров. Сумма была огромная. На эти деньги (и контрибуцию с Саксонии Августа II) главная королевская армия содержалась до самой Полтавской битвы.

Россия, согласно договорам с союзниками, должна была открыть военные действия только после подписания мира с Турцией, с которой было заключено перемирие на два года. Это было условие, высказанное Петром I при создании тройственного Северного союза. Посольство «к турецкому султану» было подготовлено генерал-адмиралом Ф.А. Головиным, главой Посольского приказа, и П.Б. Возницыным, начальником Аптекарского приказа. Полномочный российский посол Е.И. Украинцев отправился на берега Босфора 5 августа 1699 года. Переговоры обещали быть долгими и трудными.

Посол прибыл в Константинополь (Стамбул) на новеньком 30-пушечном корабле «Крепость», который до Керчи сопровождали 22 военных судна более скромного ранга русского Азовского флота. Такая демонстрация военной силы, как задумывалось, должна была сделать Блистательную Порту (так свою державу называли сами турки-османы) более сговорчивой. Но реакция была совсем иной: в окружении султана стали говорить, что если русский царь построит еще 30 таких кораблей, как «Крепость», то он захватит Стамбул и черноморские проливы.

Из России полномочного посла торопили с заключением мира. Глава Посольского приказа Ф.А. Головин писал Е.И. Украинцеву: «Изволь, ваша милость, ведать, что сей мир зело здесь нужен потому, что некоторые новые к прибытию сего государства дела начинаются и уже начались». Царь Петр I тоже торопил своего посла, который был его доверенным лицом: «Только заключи мир. Зело, зело нужно».

Известие о том, что русский посол думный дьяк Е.И. Украинцев 3 июля 1700 года подписал в Константинополе (Стамбуле) мир, формально перемирие сроком на 30 лет было получено в Москве 8 августа 1700 года: спешившие гонцы до нее добирались ровно месяц. Сразу стало известно, что в Крымском ханстве Константинопольский мир восприняли враждебно.

На следующий день, 9 августа, Россия объявила войну Швеции: царь Петр I повелел пограничному новгородскому воеводе известить о том соседнее королевство. Но это еще не носило официального характера разрыва отношений между двумя соседними государствами.

Царский же указ об официальном объявлении войны последовал только 19 августа, когда в Москве еще не знали о подписании Травендальского трактата, в силу которого петровская Россия лишилась союзника в лице Датского королевства, потерпевшего военное поражение. В тот же день к дому шведского посла Томаса Книпперкрона в Москве был приставлен «крепкий» солдатский караул. Но никаких иных «теснений» посольству не причинялось.

Полномочному русскому послу в Стокгольме стольнику князю А.Я. Хилкову высочайше было повелено объявить шведам войну «за многие их свейские неправды и нашим царского величества подданным за учиненные обиды». «На Москве» же говорили, что царь-батюшка решил повоевать земли «отчич и дедов» – старинные новгородские земли-пятины, которые во времена Господина Великого Новгорода стерегли Невский путь в Варяжское море. То есть вернуть то, что было захвачено Шведским королевством у Русского царства.

Однако для объявления войны требовался непосредственный, веский предлог. Таким предлогом царь Петр I выставил ограбление ливонскими крестьянами московского посла, возвращавшегося из Вены, и неуважительное отношение к русскому Великому посольству, в составе которого находился сам царь в образе «бомбардира Петра Алексея», со стороны шведских властей в городе Риге. Удовлетворением России за эти понесенные «обиды» должна была стать передача ей пограничной крепости Нарва – древнего новгородского Ругодева, а значит и выхода в Балтийское море.

Король Карл XII, естественно, отказал в том своему венценосному соседу. И в гневе приказал заключить в тюрьму без разбора всех проживающих в Стокгольме русских купцов и прочих людей. Среди арестованных оказался русский посол князь А.Я. Хилков и чины московского посольства. Имущество их было разграблено, а конфискованное серебро передано на королевский монетный двор.

Впоследствии все попавшие в заключение подданные России будут сосланы на каторжные работы, и до окончания войны из нескольких сотен человек доживут лишь немногие. В Москве же шведским подданным дали возможность свободно выехать из страны. Задержан был лишь один посол Книпперкрон: он был возвращен на родину через полгода с условием обмена на русского посла. Но шведская сторона князя Хилкова не освободила, и он умер в заточении на чужбине.

Такова была предыстория вступления петровской России в Великую Северную войну 1700–1721 годов. Великой ее называли в старой Российской державе в силу огромной исторической значимости, напряженности и продолжительности.

За всю свою историю Россия так долго еще не воевала.

...На начало вступления России в Северную войну шведы имели в Эстляндии, Ливонии и Ингерманландии (то есть в Приневье) немалое число регулярных войск – до 17,5 тысяч. Но почти все эти силы были разбросаны на большой территории крепостными гарнизонами, полевых войск имелось немного. Артиллерия при большом числе орудийных стволов была в своей массе крепостной, и для боевых действий в поле не годилась.

С другой стороны, для главной королевской армии, ее резервов собственно в самой Швеции на водах Балтики не виделось никаких препятствий для переброски на восточные берега «внутреннего» моря этой страны. Вопрос стоял только во времени перехода флота Карла XII с десантируемой армией от датских берегов в порты Эстляндии.

Воспользовавшись бездействием союзника России польского короля Августа II с его саксонскими войсками под Ригой, король Карл XII во главе шведской армии (32,5 тысячи человек, 37 орудий), воодушевленной быстрым разгромом Дании, отправился морем на восток, оставив

на датской земле часть войск. Нельзя говорить, что это было сделано исходя из событий начала Северной войны.

Что касается Шведского королевства, то, по словам известного историка И. Андерсона, автора «Истории Швеции», «превосходные мобилизационные планы существовали у нее уже давно». Касались они, в первую очередь, восточного соседа. Шведы, как известно, зарились на земли Русского Севера и сам Новгород не одно столетие. Новгородщина была уже в «шведском плену» в злую годину Смуты в начале XVII века. Возвращать ее пришлось первому воцарившемуся Романову.

«На Москве» было также известно, что «шведы давно имели намерение к войне против россиян, и сделан был проект, чтоб Новгород, Псков, Олонец, Каргополь и город Архангельской завладеть, дабы с иностранными областями весьма купечество у России пересечь». О том писал один из приближенных к Петру I людей, П.П. Шафиров, в своем «Рассуждении». Историки не расходятся во мнении, что рано или поздно Швеция напала бы на Россию. Но случилось так, что петровская Россия сама решилась на войну за утерянные ранее ею земли.

Карл XII, перебрасывая главную королевскую армию на север Прибалтики, в Эстляндию, не думал оттуда идти к Нарве. Для него важнее было снять осаду с Риги, главного города шведских владений здесь. Пунктом высадки был избран удобный для этой цели портовый Пернов (Пернау, ныне Пярну, Эстония). Он находился на полпути между Ригой и Ревелем (Таллинном). Шведская армия, высадившись в Пернове, начала свое движение на юг без марш-бросков, будучи уверена в своем превосходстве над саксонскими войсками польского короля.

Август II, узнав о разгроме Дании и начале движения шведской армии в Лифляндию, незамедлительно снял осаду Риги и поспешно направился в пределы Речи Посполитой. Быстро догнать саксонцев Карл XII реально не мог, поэтому он изменил план своих действий. Он повернул свои войска на север, в Ревель, чтобы оттуда выступить прямым путем к Нарве и нанести удар по русской армии под ее стенами. После этого он решил вновь заняться Августом Саксонским. Так у короля-полководца вызрел план сражения с царем Петром I.

Нарвское сражение 1700 года стало первым крупным сражением во время Великой Северной войны между русской армией царя Петра I и шведской армией короля Карла XII у города Нарва 19 ноября. Поставив задачу открыть для России выход в Балтийское море, Петр I решил, прежде всего, отвоевать у Швеции Нарву и Ивангород. В той ситуации это было стратегически верное намерение.

Нарва представляла собой хорошо укрепленную крепость на левом берегу судоходной реки Нарова (Нарва) в 14 километрах от ее впадения в Финский залив. Ивангород (построенный русскими в начале XVII века) находился на правом берегу реки, служил крепости предместным укреплением. Местность вокруг Нарвы была лесистой и болотистой. После осенних дождей дороги стали труднопроходимыми для войск, особенно для обозов и артиллерии.

16 сентября 1700 года русская армия осадил эти города-крепости. К 19 ноября численность русских войск составила около 35 тысяч человек (27 тысяч пехоты, 1500 драгун, более 5 тысяч поместной конницы) и 145 орудий. Из них 118 доставили из Москвы (61 мортира, 7 гаубиц и 50 трехфунтовых пушек), остальные (больше старые) пищали и пушки – из Новгорода и Пскова. Ошибкой командования петровской армии было то, что артиллерию «распылили» по 7 большим осадным батареям, нигде не делая концентрации пушечного огня для пробития брешей в крепостной ограде. Поэтому желаемого результата от бомбардировок вражеской крепости не виделось.

Столкновения со шведами, стоявшая непогода и наступавшие холода делали свое дело. К началу сражения под Нарвой в русском осадном лагере находилось (по разным подсчетам) до 900 человек раненых и до 2 тысяч больных. Эти люди «выпали» из армейского строя.

Шведский гарнизон Нарвы и Ивангорода (комендант полковник Г. Горн) насчитывал 1,9 тысяч человек (1300 пехотинцев, 200 кавалеристов и 400 вооруженных горожан) и 400 ору-

дий. Крепостные стены были солидными, и для пробития в них брешей требовалась осадная артиллерия крупных калибров и время. У подступившей к Нарве русской армии таких мощных орудий и достаточного числа зарядов не оказалось. С их подвозом дела с каждым днем становились все хуже и хуже.

Русские войска расположились в одну линию в виде полукруга на левом берегу фронтом в поле и флангами к реке. Правое крыло (здесь находился единственный понтонный мост через Нарову) составили дивизия генерала А.М. Головина и гвардейские Преображенский и Семёновский полки, центр заняла дивизия генерала князя И.Ю. Трубецкого, на левом крыле встали дивизия генерала А.А. Вейде и поместная конница боярина Б.П. Шереметева (5 тысяч человек). Боевой порядок не имел глубины и резерва, что сказалось на исходе предстоящего сражения.

На протяжении всего фронта (около 8 километров) были построены контр- и циркумвальной линии, промежутки между которыми занимали склады и временные жилые бараки, что серьезно затрудняло маневр войск. Фланги линий упирались в Нарову. Фронт был обращен не к крепости, а на запад и состоял из инженерных укреплений в виде земляной насыпи со рвом (апроши). Осадными работами руководил наемный инженерный генерал Л.-Н. Аларг. Вал в итоге оказался невысок, а ров – неглубок.

Для обеспечения осадных работ и ведения разведки на ревельской дороге была выдвинута поместная конница Шереметева. Она проделала за три дня немалый путь в 120 километров и имела ряд небольших столкновений с «партиями» (отрядами) шведской кавалерии. От пленных стало известно, что в Эстляндии появилась главная королевская армия во главе с самим Карлом XII, которая, по всей вероятности, скоро пойдет к осажденной русскими Нарве. В таком случае Шереметев должен был перепроверить такие важные данные, но он этого не сделал.

Шереметев, чья дворянская конница зашла далеко в чужие земли, решил отступить ближе к осажденной Нарве. О том боярин сообщил царю: «В такое время без изб людям быть невозможно, и больных зело много, и ротмистры многие больны». Петр I в ответе выговаривал Шереметеву за присущую ему медлительность и осторожность, на что тот оправдывал свои действия: «И я оттуда отступил не для боязни, – для лучшей целости и для промыслу над неприятелем. С сего места мне свободно над ними искать промыслу и себя остеречь».

Все же Шереметеву пришлось вернуться под Везенберг, где поместная конница терпела «нужду»: «Вода колодезная безмерно худа, люди от нее болят; поселения никакова нет – все пожжено, дров нет; конских кормов нет». Между тем к Везенбергу подходил авангард королевской армии под начальством генерала Веллинга. При приближении шведов Шереметев отступил к деревне Пурц, в 36 верстах от Везенберга, выставив перед собой в деревне Варгле походное охранение, которое беспечно расположилось на ночь по домам, не выслав перед собой дозоры. И поплатилось за это.

Шведы Веллинга внезапно напали на Пурц и подожгли селение. Организованного сопротивления нападавшим оказано не было. Шереметев срочно выслал к месту боя 21 «эскадрон» дворянской конницы, атаковал шведов и окружил их. Но тем удалось, пусть и с трудом, пробиться на запад. Вместо того, чтобы их преследовать и «побить», Шереметев, воевавший тогда «по старинке», отошел еще подальше на восток, к деревне Пюханюги, в 32 верстах от Нарвы.

Боярин-воевода свой новый отход к Нарве в письме царю Петру I объяснил так: «Там не стоял для того: болота и топи несказанные и леса превеликие. И из лесу подкрадчи один человек и зажег бы деревню и учинил бы великие беды. А паче того был опасен, чтобы обошли нас около к Ругодиву (Нарве. – А.Ш.)».

Пока на ревельской дороге развивались такие события «местного значения», осада шведской крепости продолжалась. Конная разведка Шереметевым не велась и о получении информации от пленных словно забыли. И ни сам боярин, ни тем более царь Петр I не подозревали,

что к Нарве приближается главная королевская армия. Считалось, что все боевые столкновения велись с местными гарнизонами неприятеля и высылаемыми от них отрядами для ведения разведки.

Военный совет петровской армии попытался склонить коменданта Нарвы к почетной капитуляции. Однако опытный служака полковник Горн, хорошо знавший положение дел в осадной лагере и получивший известие о движении к Нарве главной королевской армии, отвечал на предложения русских «насмешками и превеликой бранью». К тому же он был уверен в крепости стен Нарвы, сложенных из дикого камня несколько столетий назад, и фортификационной силе крепостных бастионов. Различных припасов за крепостными стенами на месяц-два осады имелось вполне достаточно.

Попытка вынудить шведский гарнизон Нарвы к капитуляции артиллерийской бомбардировкой крепости, которая велась 2 недели с 20 сентября, не дала ожидаемого результата из-за плохого состояния осадной артиллерии (устаревшие орудия, часть которых была большими пищалями) и недостатка боеприпасов. Подвоз артиллерийских зарядов из неблизкого Новгорода в силу не только погодных условий был поставлен из рук вон плохо. К тому же шведы за ночь успевали заделывать полученные за день повреждения в крепостной ограде, которые серьезными не были.

Одновременно был обложен крепостной Ивангород, расположенный на противоположном, правом берегу Наровы. Осадными работами здесь руководил сержант бомбардирской роты преображенец Василий Корчмин, талантливый русский инженер. Было ясно, что Ивангород неизбежно падет после взятия Нарвы.

Осенняя непогода отрицательно сказывалась на ведении осадных работ, появилось много больных. Не хватало провианта. Заметно похолодало, ожидалось снегопады, теплой одежды войска не имели. Разведка Ревельской дороги отрядами поместной конницы велась из рук вон плохо. 16 ноября конница Шереметева у деревни Пюханогги имела успешное столкновение с кавалерией шведов, но после этого ночью начала отходить к осадному лагерю, так и не разведав местоположение армии Карла XII и не определив ни ее силы, ни намерений короля.

Стремясь ускорить в условиях осенней распутицы подход подкреплений и подвоз боеприпасов, царь Петр I уехал 18 ноября в Новгород, который к тому же надлежало подготовить к возможной обороне. К тому же он хотел лично встретить подходившую дивизию (почти треть армии) генерала князя А.И. Репнина, которая, будучи сформирована в Поволжье, так и не успела прибыть на театр войны до Нарвского сражения. Не успели к битве под Нарвой и малороссийские казачьи полки наказного гетмана Ивана Обидовского, которые находились уже на подходе.

Командование армией и осадой вражеской крепости самодержец Петр I возложил на австрийского генерал-фельдмаршала герцога К. де Кроа, за непомерно большое жалованье принятого на русскую службу в том же фельдмаршальском чине. Армейские генералы царским словом обязывались подчиняться любым его приказам. Вопрос о его замене в крайних обстоятельствах не ставился.

Герцог был приметной фигурой. Его полное имя – Карл-Евгений Кроа де Круи. Его род имел корни в династии венгерских королей, чем он очень гордился. Герцогский титул получил от короля Франции. Отличался в войнах Дании против Швеции (получил генеральский чин) и сражениях австрийцев против турок, понеся полный разгром при осаде Белграда, имея чин генерал-фельдмаршала-лейтенанта. Затем служил польскому королю Августу II Саксонскому, став генерал-фельдмаршалом Саксонии. В августе 1700 года оказался на русской службе, согласие на это герцогом было дано Петру I ранее.

После отъезда царя герцог де Кроа созвал военный совет для обсуждения вопроса о способе действий против шведской армии. Почти все его участники высказались за то, чтобы обороняться на занимаемой позиции. Лишь один Б.П. Шереметев, будущий петровский гене-

рал-фельдмаршал, предложил выйти из осадного лагеря и атаковать шведов в поле силами всей армии. Но его смелое предложение поддержки у военного совета не получило. Так противнику в предстоящем сражении была отдана инициатива действий, что стало пагубным обстоятельством для русской армии.

Спешивший по Ревельской дороге король Карл XII 18 ноября прибыл на помощь осажденной Нарве, встав у деревни Лагены, в 10 километрах от русского осадного лагеря. В его распоряжении находился 21 батальон пехоты (5889 человек), 47 эскадронов кавалерии (4317 человек) и 334 артиллериста при 37 орудиях. Остальные армейские войска находились на подходе. Карл XII начинал атаку, имея 10 540 человек (называются и другие цифры).

На рассвете 19 ноября шведы, двигаясь через лес по тропинкам, незаметно подошли на пушечный выстрел к русской позиции и беспрепятственно развернулись в боевой порядок. Ночью шведы имели возможность беспрепятственно измерить глубину рва и высоту вала, получить необходимые сведения о фортификационных сооружениях противника. Можно заметить, что они собой не впечатляли. Было установлено, что русские сторожевых постов не выставили.

Королевская армия сосредоточилась перед центром петровской армии за высотой Германсберг, на гребне которой встала часть артиллерии (16 орудий): батарейная позиция была удобной, давала хороший обзор поля предстоящего сражения. Около 10 часов утра погода улучшилась, и русские увидели стройные ряды шведов. Те открыли стрельбу с Германсберга, заявив о своем появлении перед осажденной Нарвской крепостью. Пушки русских им ответили сразу, без какой-либо паузы.

После 2-часовой артиллерийской дуэли, не дожидаясь возможного выхода противника из апрошей, используя сильную метель (ветер бил в лицо русским, слепя им глаза), отдохнувшие шведы около 13 часов дня начали неожиданную атаку, хотя еще не все войска королевской армии подошли к Нарве. Впереди шли гренадеры, которые, забросав ров фашинами, под прикрытием снегопада и артиллерийского огня первыми взойшли на вал.

Замысел Карла XII (перебежчик из числа наемных иноземцев дал точные сведения о расположении русских войск) состоял в том, чтобы расчленив армию Петра I и разбить ее по частям. Главный удар наносился против правого фланга с целью захватить мост через остров Кампергольм и тем самым лишить противника единственной речной переправы. Инициатива в действиях была в руках короля Карла XII, поскольку командование противника само отказалось от каких-либо активных действий.

Одна часть королевской армии (11 батальонов и 22 эскадрона) под командованием генерала графа Отто Веллинга наступала правее высоты Германсберг. Другая (10 батальонов, 21 эскадрон и 21 орудие) под начальством генерала графа К.Г. Рёншильда (автора плана атаки) – левее этой высоты. К тому времени шведский гарнизон Нарвы был уже готов совершить вылазку в тыл русской позиции. Резерв королевской армии состоял из 13 конных рот. Две сомкнутые колонны шведов должны были разорвать боевую линию противника, овладеть его артиллерией, соединиться с крепостным гарнизоном и опрокинуть русских в реку Нарову.

В начале сражения русские войска упорно оборонялись, хотя вскоре много наемных офицеров-иноземцев во главе с герцогом де Кроа перебежали к врагу. Первой оставила поле боя в самый разгар сражения конница дворянского ополчения Б.П. Шереметева, которая вброд (или вплавь) перешла на правый берег Наровы. При переправе через реку более тысячи всадников с конями утонуло. То, что в битве поместная конница не упорствовала, есть исторический факт.

Так пишется во многих источниках и исторических работах. Однако по «Отпискам» Шереметева картина выхода русской конницы из сражения выглядит совсем иной. По ним конное ополчение (оно не преследовалось) отступило по левому берегу Наровы до Сыренска, там переправилось по мосту через реку и через Гдов прибыло в Псков. Это подтверждает схема

Нарвского сражения, которая хранится в государственном архиве Австрии. В силу этого и потери поместной конницы должны быть в несколько раз меньше.

Дивизия Трубецкого, а также полки правого крыла дивизии Вейде и левого крыла дивизии Головина после отчаянного рукопашного боя в метель, лишившись многих командиров-иноземцев, не выдержав атаки шведов, начали отступать из апрошей. Но при этом складывать оружие перед атакующим неприятелем русские не собирались.

К 14 часов шведам удалось в двух местах прорвать боевой порядок русских. Их недавно сформированные полки, не имевшие боевого опыта и брошенные наемными офицерами, стали, теснимые шведами, в беспорядке отходить к единственной переправе через реку. Наведенный понтонный мост через Нарову не выдержал тяжести людских масс и разорвался. В это время по нему проходили полки дивизии Головина.

Тем временем укрепившиеся в вагенбурге вчерашние «потешные» гвардейские Преображенский и Семеновский полки (имевшие в строю только младших офицеров!), вобрав в себя тех, кто не успел уйти на другой берег, стойко отразили все атаки шведов. Они успешно отбивались ружейными залпами в упор или контрударами в штыки. Защита вагенбурга на уровне рот и батальонов велась успешно.

На левом крыле упорно оборонялась большая часть дивизии генерала Адама Вейде, которая остановила перед собой наступление колонны генерала Веллинга. Шведы и здесь оказались бессильны взять верх над оборонявшейся пехотой противной стороны. Примерную стойкость показал «старый» Лефортовский полк, имевший высокую выучку.

Король Карл XII лично водил шведские батальоны колонны генерала Рёншильда в атаку на русскую гвардию, но каждый раз с большими потерями отступал от вагенбурга, который прикрывал собой мост через Нарову. Здесь ожесточенный бой продолжался несколько часов: в итоге шведы не смогли даже потеснить к речному берегу стойко державшихся преображенцев и семеновцев. Именно здесь шведы понесли в битве самые большие потери.

Историк Н.Г. Устрялов писал в своей «Истории царствования Петра Великого» о том эпизоде Нарвского сражения: «Ободренные присутствием государя, шведы несколько раз бросались в атаку; но тщетно: огородив себя повозками артиллерийского парка, русские были непоколебимы и отразили все усилия неприятеля. Наступившая ночь прекратила битву».

Наступившая темень только усугубила беспорядок в рядах противников. Те шведские солдаты, которым на пути попался русский обоз с провиантом, перепились. Был случай, когда два королевских батальона, в темноте приняв друг друга за неприятеля, вступили между собой в бой. Карл XII стал понимать, что победа может ускользнуть из его рук, так как силы шведской армии были слишком малы для полного разгрома русских. Утро следующего дня грозило изменить ситуацию.

Сражение продолжалось еще несколько часов. Отсутствие единого командования, потеря почти всей артиллерии, разделение армии на две изолированные части не позволило русским генералам организовать оборону и вынудило их пойти на переговоры с противником и капитулировать на условиях сохранения личного оружия (за исключением артиллерии, которая уже находилась в руках шведов) и знамен. Это соглашение было подписано в ночь на 20-е число командирами дивизий генералами Ф.А. Головиным, князем Н.Ю. Трубецким и генерал-фельдцейхмейстером грузинским царевичем Александром Арчиловичем (Александром Имеретинским), командовавшим артиллерией. Ситуацией они не владели.

На такое решение повлияло то, что петровский генералитет не имел точных сведений о реальной обстановке, которая была угрожающей, но не в такой степени, чтобы прекращать битву и складывать оружие перед врагом. Повлияло и то, что командующий армией фельдмаршал герцог де Кроа из шведского стана отдал приказ прекратить сопротивление. После сражения король Карл XII наградит перебежавшего в его лагерь австрийского фельдмаршала

тысячью пятьюстами золотыми червонцами и будет «сажать его кушать за свой стол». Однако брать титулованного перебежчика на свою службу он не стал, хотя герцог того сильно желал.

К тому времени русская армия, потерявшая большую часть артиллерии, была разделена на две части, но не сломлена. Каждая из этих частей (правый и левый фланг армейской линии) по численности равнялась всей королевской армии. И что самое главное, продолжала сражаться. Один из очевидцев сражения, королевский камергер граф Вреде признавал в своих мемуарах: «Если бы русский генерал, имевший до 6 тысяч под ружьем, решился на нас ударить, мы были бы разбиты непременно: мы были крайне утомлены, не имея ни пищи, ни покоя несколько дней, притом же наши солдаты так упились вином, которое нашли в русском лагере, что невозможно было немногим оставшимся у нас офицерам привести их в порядок».

Карл XII, не считая свое положение прочным и видя состояние своей армии, охотно согласился на предложение генералов русского царя провести переговоры. В ходе их было достигнуто соглашение, по которому шведы должны были беспрепятственно пропустить русские войска на правый берег Наровы с личным оружием и знаменами. Король отказался только выдать уже взятую артиллерию, свои главные и желанные трофеи, на что генералам противной стороны пришлось согласиться. Шведы начали починку разорванного понтонного моста.

Утром 20 ноября 1700 года мост через Нарову был починен, и русские войска стали отходить из своего осадного лагеря на другой берег реки. После того, как перешла дивизия Головина, гвардейские Преображенский и Семеновский полки (их батальоны шли с распущенными знаменами, с полковыми пушками и под барабанный бой), король Карл XII вероломно нарушил достигнутое соглашение и свое слово. Он потребовал, чтобы полки левого крыла (дивизия Вейде) отходили без оружия. В противном случае шведы, в руках которых оказалась большая часть лагеря и почти вся артиллерия, находившаяся в нем, грозили применить силу.

Русские солдаты вынуждены были это сделать, по словам очевидцев, с «великой бранью» по адресу шведов и своих генералов-иноземцев. Шведы разграбили обоз и «упились», как писали их мемуаристы. После сдачи оружия полки Вейде (сам он имел тяжелое ранение) были пропущены через мост и двинулись по залитой холодными дождями лесной дороге вслед за гвардией и дивизией Головина к Новгороду, до которого было не близко. Отступавшая петровская армия при себе запасов провианта на дорогу не имела: победители о том «не позаботились».

Шведам, испытывавшим большой недостаток продовольствия и фуража, удалось захватить на реке Нарове транспорт русских судов со значительным запасом провианта, а в недалеких Ямах – большой армейский магазин русских с запасами зерна. В Ямах же шведы захватили 22 мортиры, которые везлись в обозе. Так что свои проблемы королевские интенданты решили на ближайшее время достаточно полно. К тому же и в самом осадном лагере имели запасы продовольствия, которые уходившие русские с собой унести не могли.

В сражении под Нарвой молодая регулярная армия Петра I потеряла до 6 тысяч человек убитыми, умершими от ран и утонувшими в Нарове и 145 орудий, среди которых было большое число старинных больших пищалей. Это была почти вся ее артиллерия. Но не вся, как это принято писать. Гвардейские полки – Преображенский и Семеновский – бывшие при них 14 полковых 3-фунтовых пушек победителям не отдали, которые в данном случае полковую артиллерию у русских даже не пытались отобрать. По шведским же данным, после Нарвского разгрома было захвачено 177 русских орудий. Из чего состояла такая цифра, не говорится.

«Разоружение» полков дивизии генерала А.А. Вейде вопреки достигнутой договоренности заметно увеличило число шведских трофеев. По данным победителей, ими было захвачено следующее оружие и амуниция противника: 4050 мушкетов (3800 голландских и 250 русских), 24 полупики, 27 алебард, 28 сабель, 800 багинетов, 6 кольчуг, 6 пар больших литавр и 8 пар малых, 33 барабана, 130 гренадерских сум, 504 драгунские лядунки и прочее военное имущество.

По дневниковым записям лейб-драбанта К. Сперлинга, шведы захватили под Нарвой 116 штандартов и 146 знамен, из которых 131 принадлежало новоприборным солдатским полкам (11 полковых и 125 ротных). Однако роспись этих знамен и штандартов, их число вызывает у исследователей много вопросов и достоверной быть не может.

В осадном лагере шведы нашли 10 300 ядер различного калибра, всего лишь 470 ручных гранат, более 800 мортирных бомб и совсем немного пороха, как пушечного, так и ружейного.

Потери шведской армии в битве составили 2 тысячи человек. Велики оказались ее потери в офицерском составе: был убит 31 и ранено 66 офицеров. Эта убыль частично была возмещена иноземцами-перебежчиками из рядов петровской армии. Но король таких людей, следует заметить, на высокие командные должности вполне разумно не брал и блестящая карьера в рядах шведов им не светила. Но наемник есть наемник: казна Швеции платила им хорошо.

Карл XII еще раз нарушил свое королевское слово, задержав у себя генералов побежденной армии, объявив их военнопленными за то, что «комиссары (царские) денежную казну (русской армии) вывезли» из-под Нарвы. Так, в шведском плену оказалось 79 генералов и офицеров. Многие из них до конца войны не дожили, неся тяжелые лишения во вражеском плену, будучи часто на положении галерных гребцов с их каторжной жизнью.

В Швеции по случаю одержанной победы выбили викториальную медаль. На одной ее стороне – изображение Петра I и русских пушек с надписью: «Бе же Петр стоя и греясь». На другой – бегущие от Нарвы русские солдаты и царь, с которого спадает шапка, шпага им брошена, он плачет, утирая платком слезы. Надпись – еще более насмешливая: «Изшед вон, плакася горько». Придет время, и Петр Великий будет держать ее в своих руках. Его слов при этом история до нас не донесла.

Поражение русских войск в первом для них сражении Великой Северной войны явилось следствием их недостаточной боевой подготовки и отсутствия опыта в борьбе с таким обученным противником, каким являлась тогда армия Шведского королевства. «Молодая» петровская армия под Нарвой была многочисленна, но слабо боеспособной и слабо управляемой.

Из всех русских полков, принимавших участие в полевой баталии под Нарвой, лишь Лефортовский и гвардейские Преображенский и Семеновские полки имели некоторый боевой опыт. Но этот опыт сводился только к участию в Азовских походах 1695 и 1696 годов и осаде турецкой крепости Азов. В сражениях в поле эти три полка не участвовали, тем более с регулярной армией. Другие полки петровской армии вообще не имели боевого опыта, равно как и должной выучки мирных дней.

«Первая» Нарва нашла критическое осмысление в работах многих отечественных историков. Так, профессор Императорской военной академии генерал-лейтенант А.К. Баиов в своем труде «История русского военного искусства» отмечал: «Неумелое ведение разведки, небрежное несение сторожевой службы, невыгодное растянутое положение русской армии под Нарвой, неудобные пути отступления, отходящего от правого фланга, неудовлетворительное состояние материальной части артиллерии, недостаточный подвоз артиллерийских снарядов и всякого рода припасов вследствие сильной распутицы, распространение в армии заболеваний, недостатки организации, отсутствие единоначалия, передача на сторону шведов главнокомандующего герцога де-Кроа, и других иноземных офицеров, присутствие в армии большого числа иноземных офицеров, нелюбимых войсками, неопытность в инженерном отношении саксонского генерала Алларта, который руководил осадными работами, а самое главное – крайняя боевая неготовность, необученность войск – привели к тяжелой развязке 19 ноября...

Нарвский погром поразил и Петра».

Царь Петр I, вспоминая горькое поражение под Нарвой, писал с откровением: «Словом сказать, все то дело, яко младенческое игранье было, а искусства ниже вида, то, какое удивление такому старому обученному и практикованному войску (шведскому) над таким неискусным сыскать викторию».

В деле под Нарвой для русской армии роковую роль сыграли два фактора. Во-первых, унаследованная от старомосковских времен старая военная организация. Во-вторых, «жалкая роль» иностранного командного состава. В этом видится ошибка самого царя в его чрезмерном доверии к наемным иностранным офицерам.

Сражение под Нарвой 1700 года («Первая Нарва») показало, насколько ненадежными могут быть наемники на русской службе. Особенно разителен здесь пример Яна Гуммерта – капитана гвардейского Преображенского полка, родом из Лифляндии, любимца Петра I. Царь в знак дружбы подарил ему хороший дом в Москве, благоволил к иноземцу. Во время осады Нарвской крепости Гуммерт «исчез из лагеря», бежав к шведам. В полку считали, что он или утонул в Нарове, или уведен в крепость во время вылазки гарнизона. Коменданту полковнику Горну было даже послано письмо с требованием относиться к пленному капитану с должным вниманием.

Когда подлая измена стала явью, Петр I приказал сделать куклу, изображавшую Гуммерта, и повесить ее у московского дома наемника, а к виселице прибить лист с описанием предательства. Ян Гуммерт попытался завязать переписку с царем, советуя, как лучше взять Нарву. Шведам же он советовал, как разбить их противника. Те однажды перехватили его письмо к жене, в котором беглый капитан-гвардеец расхваливал русских и почем зря ругал шведов. Это стоило ему жизни: двойного предателя повесили в Нарвской крепости.

Баталией двух армий под Нарвской крепостью завершилась кампания 1700 года – первая кампания войны. Она оказалась неудачной для союзников по коалиции против Швеции. Король-полководец Карл XII добился крупных стратегических успехов, нанеся поражения армиям Дании, Саксонии и России, и поставил своих противников в очень трудное положение. Но в тот год вряд ли кто мог предполагать, что Великая Северная война затянется на долгих два десятилетия.

Сражение под Нарвой, которое стало первым для России по вступлении в Великую Северную войну, оставило заметный след в военной истории. Можно обратиться к мнению известного английского историка Томаса Харботла, который в своем словаре «Битвы мировой истории» так описал то крайне неудачное для русского оружия сражение: «Нарва. Северная война».

Место сражения 30 ноября 1700, в котором участвовало 32 000 шведов во главе с королем Карлом XII и 35 000 русских. Русские с сентября осаждали крепость Нарву и Ивангород, однако не имели успеха из-за недостатка боеприпасов. Боевой опыт имели только три полка. Пользуясь бездействием союзника России польского короля Августа II, шведский король высадился в Пернове и подошел к Нарве 18 ноября. Русская разведка дезориентировала царя Петра, который покинул войска, чтобы ускорить их снабжение.

Воспользовавшись плохой погодой, Карл скрытно подошел к русским позициям и смело атаковал их. После короткого артиллерийского обстрела шведы штурмовали окопы и, несмотря на прицельный огонь русских пушек, после трехчасового сражения русские обратились в бегство, потеряв около 8000 солдат и 145 орудий. Шведы потеряли около 3000 человек. Карл не смог развить успех, так как русские прикрыли границу крупными силами и вынудили его отступить к Дерпту».

Многие историки, прежде всего шведские, сходятся на том, что после победы в сражении при Нарве король Карл XII, считая, что «медведь загнан в берлогу», стал опасно недооценивать русскую армию. А его генералитет, не без оснований, продолжал считать главным противником хорошо обученных по-европейски и дисциплинированных саксонцев Августа II. Саксонской армии в профессиональной выучке действительно трудно было отказать.

Королевская армия, отдохнув в Эстляндии, двинулась через Лифляндию и Курляндию в пределы Речи Посполитой (сперва в Литву, а затем в польские земли), чтобы «покончить» с Саксонией, так как это было сделано с Данией и петровской армией под Нарвой. В европей-

ских столицах только и было разговора о блистательных победах короля-полководца «свеев», Северного льва. Ему прочили большое будущее.

Об этом писал, к примеру, в 1892 году Аксель Раппе, в то время военный министр Швеции. Выступая в Академии военных наук, которой он начальствовал, Раппе отметил, что Карл XII не смог верно оценить гений русского царя Петра, «да и кто догадывался в то время, что во главе царской державы стоит самый могучий дух, который когда-либо родила или может родить Россия».

Историк В.О. Ключевский, не упуская случая уязвить последнего русского царя, все же отдает ему должное: «Предоставляя действовать на фронте своим генералам и адмиралам, Петр взял на себя менее видную техническую часть войны: он оставался обычно позади своей армии, устраивал ее тыл, набирал рекрутов, составлял планы военных движений, строил корабли и военные заводы, заготавливал амуницию, провиант и боевые снаряды, все запасал, всех ободрял, понукал, бранился, дрался, вешал, скакал из одного конца государства в другой, был чем-то вроде генерала-фельдцейхмейстера, генерала-провиантмейстера и корабельного обер-мастера».

После виктории под Нарвой шведская армия расположилась на зимних квартирах вокруг Дерпта (ныне Тарту, Эстония). Карл XII решил на всякий случай поостеречься и выставил достаточно сильные наблюдательные отряды у Мариенбурга и Бонненбурга. В Эстляндии оставался 6-тысячный отряд. В течение зимы в Швеции набирались новые полки, которые должны были усилить главную королевскую армию. Шла вербовка наемников. Из Стокгольма доставлялись различные боевые припасы.

Карл XII и его окружение посчитали, что русская армия не скоро оправится от поражения под Нарвой и тем более восстановит потерянную артиллерию. Теперь на очереди у шведского короля стоял разгром саксонских войск: польский король Август II особо далеко от Риги не отступил в надежде на то, что ситуация может измениться в его пользу.

Первая кампания Великой Северной войны однозначно завершилась в пользу Швеции, которая в 1700 году «сокрушила» всех трех своих противников. После этих викторий король Карл XII приказал в Стокгольме выбить медаль с изображением шведского Геракла, разбивающего черепа трехголовому дракону, в котором узнавались короли датский и саксонский и царь «москвитов».

...Война с новой силой возобновилась только летом 1701 года, когда Карл XII во главе 11-тысячного войска, усиливаясь по пути, двинулся к Риге, которая находилась под ударом саксонской армии. Шведы, ведя разведку, двигались без марш-бросков, уверенные в своем превосходстве над польско-саксонскими войсками короля Августа II. Тот на полевое сражение «не напрашивался», решив вести маневренную войну.

Все же Карл XII нашелся, как навязать своему сопернику сражение в невыгодных для него условиях. 9 июля шведская армия неожиданно переправилась через Северную Двину и разбила армию Августа II. Саксонцы отступили сперва к Биржам, затем в Ковно (Каунас), и оттуда в Курляндию. К концу 1701 года шведы овладели всеми крепостями в Ливонии, ставя там гарнизоны.

Король Карл XII после снятия окончательной осады Риги и разгрома саксонских войск повел свою армию в Литву и Польшу. Здесь шведы впервые столкнулись с польскими войсками Августа Саксонского: Северная война стала охватывать новые территории. Петр I, заинтересованно отслеживавший ход событий, скажет, что шведский король надолго «увяз» в Польше, давая время на «взросление» молодой регулярной армии России.

Дело действительно обстояло так. Историк-белоэмигрант А.А. Керсновский в «Истории русской армии» отмечал: «Шведский король не умел пользоваться плодами своих побед. Он гулял по Польше со своей небольшой, но превосходной армией, одерживал победы, но нисколько не заботился об упрочении своих завоеваний и организации завоеванных областей».

(это, впрочем, было трудно, принимая во внимание анархизм поляков). Стоило ему лишь удалиться из какой-нибудь местности, как ее немедленно занимал противник. Все завоевания Карла XII были поэтому бесплодны».

Историк С.М. Соловьев писал по этому поводу следующее: «Август был драгоценный союзник для Петра не силою оружия, но тем, что возбудил к себе такую ненависть и такое недоверие шведского короля; он отвлек этого страшного в то время врага от русских границ и дал царю время ободрить свои войска и выучить побеждать шведов».

Петр I разумно распорядился уходом главной королевской армии воевать в далекой Польше против саксонцев. Все свое внимание великий российский реформатор обратил на реорганизацию регулярной армии и строительство военного флота, которое начиналось «с азав». Именно в первые годы Северной войны была осуществлена основная часть петровских военных реформ в России. Их отличительной особенностью было то, что они носили поистине всеобъемлющий характер, охватив все области строительства вооруженных сил государства, все стороны военного дела. Основой военных преобразований являлось введение рекрутской системы комплектования регулярной армии.

Начавшаяся Северная война требовала на поле брани все новые и новые людские резервы. В декабре 1702 года царским указом был объявлен набор по всей стране «в солдаты в Приказ военных дел, кто в тое службу похочет, семь тысяч человек». Военный приказ связал с этим именованным указом принудительный набор посадской бедноты, имевшей доходы менее 30 рублей в год.

Общий набор декабрьского набора был таков: с 60 городов и семи слобод «взято... и волею записано (и послано на службу) 11 150 человек». Это был последний набор «вольных» (лично свободных) людей. Проблему создания большой регулярной армии «вольница» решить не могла, что и прозорливо понял Петр I. Вся тяжесть последующих рекрутских наборов легла на крестьянство, с которого брали в армию «даточных людей».

Набор даточных людей шел параллельно с приемом в солдаты «вольных». Нормы такого набора Приказ военных дел установил в октябре 1703 года. С помещиков и купцов брали каждого пятого дворового и каждого седьмого «делового» человека (то есть знающего «дело» – ремесло). Владельцы таких даточных людей обязывались доставлять их на смотр в количестве вдвое больше, чем требовалось, «что было из кого выбирать».

Набор даточных людей вызвал немалые трудности. Помещик или вотчинник, сдававший даточного в солдаты, должен был одеть его в форменное строевое платье: суконный кафтан светло-зеленого или темно-зеленого цвета, шапку, красные сафьяновые сапоги, строевой кушак, носильный кафтан, чулки и ботинки (чирики). Но такое правило держалось недолго: в армии вводилось единообразие военной формы.

Уже в самом начале набора даточных людей стало ясно, что помещику, вотчиннику или купцу достать форменное обмундирование или пошить его было просто сложно. Дело было даже не в стоимости солдатского обмундирования. Тогда приказные дьяки нашли весьма выгодный для царской казны выход. За такие находки Петр I людей награждал «отменно», даже жаловал дворянством.

Теперь новобранец (рекрут) обмундировался за счет Генерального двора. А с его тепер уже бывшего владельца-помещика казенный расход взыскивался в двойном размере. Противной стороной нововведения стала большая переписка.

Но и такой людской ресурс для пополнения армейских рядов был ограничен. По «скасам» владельцев в России насчитывалось 71 250 дворовых и «деловых» людей. Их них на смотр было доставлено 29 500 даточных, из которых «записано в службу» 11 500 человек, то есть менее половины.

По 1703 год создание новых полков шло за счет наборов «в солдаты» «вольных» и даточных людей, а также переформирования полков «нового строя» царя Алексея Михайловича

(отца Петра I) и стрелецких. Основной производящий класс государство – крестьянство (помещичье и монастырское) – пока не затрагивалось наборами в численно растущую действующую армию.

Однако Великая Северная война 1700–1721 годов с ее большими людскими потерями в полевых войсках заставила государя и Боярскую думу пойти на набор в солдаты и среди крестьянства. То есть речь зашла о подлинном рекрутстве.

Первым таким «пробным» призывом стал частный набор Поместного приказа молодых крестьян Московского уезда. Причем его проводили, как обычно, с числа дворов, «поголовно молодых». На следующий год такой набор повторили в 16 уездах, соседних с Московским уездом. Большинство (9977 человек) из взятых в рекруты 14 550 «крестьянских сынов» передали в Приказ военных дел с последующим распределением по действующей армии.

В 1705 году царь Петр I возложил набор в солдаты из крестьян на Поместный приказ. Именно в нем хранились переписные книги 1678 года. Так, собственно говоря, началось историческое зарождение рекрутской системы формирования регулярной армии и флота России.

В том году в петровском указе впервые прозвучал термин «рекрутский набор», проводившийся в ходе Северной войны ежегодно. Обычно одного рекрута брали с 20 крестьянских дворов. В первый такой набор 1705 года намечалось поставить в армейский строй около 40 тысяч человек. Набрали же заметно больше – 44 539 человек.

В том же году Приказ военных дел осуществил целевой набор в регулярную кавалерию, то есть в драгунские полки. Причем даточных людей брали из расчета один человек с 80 крестьянских дворов.

Переход на расчет по крестьянским дворам при наборе даточных людей был выгоден правительственным властям. Теперь владельцам крепостных мужских душ не было смысла преуменьшать в «скасках» количество имевшихся у них дворовых людей. Дворня производственной силой, как крестьяне и мастеровые, у помещиков не была, поэтому с ней хозяева расставались «по царскому слову» без особых огорчений.

Петровский указ от 20 февраля 1705 года завершил начальный период складывания рекрутской системы в России. К указу были приложены 18 статей, данные стольникам, производившим сбор даточных людей и рекрут «в солдаты». Требования, изложенные в статьях, отличались строгостью наказаний за «ослушание».

Русская армия в ходе Северной войны ежегодно требовала многотысячных пополнений. В зависимости от армейских потребностей рекрутские наборы проводились один или несколько раз в год. Были и специальные наборы: для флотских нужд (например, в 1717 году их провели два, они дали две с половиной тысячи человек); для укомплектования фуражирских команд и обозных извозчиков (6 тысяч человек в 1706 году).

Можно считать, что в 1705 году окончательно закрепилась рекрутская система. Набор рекрутов на пожизненную службу в мирное время производился не ежегодно, а по мере надобности. То есть в силу требований численного роста армии и флота, понесенных людских потерь. На службу брались физически здоровые мужчины в возрасте от 17 до 32 лет. Нижние чины находились на полном государственном обеспечении.

Воинская повинность распространялась на все население. Исключение делалось только для духовенства. Дворянство имело привилегию служить на офицерских должностях. В условиях той эпохи рекрутская система была прогрессивным явлением, быстро доказав свое превосходство над системами найма и вербовки, как то было в европейских странах. Несмотря на всю тяжесть военной службы, ложившейся почти исключительно на плечи крестьянства, она представлялась солдату необходимой обязанностью перед отечеством.

В начале войны все рода войск получили стройную организацию. Высшим соединением в инфантерии (пехоте) стала дивизия, которая первоначально называлась генеральством. Их на 9 августа 1700 года было три – Автонома Михайловича Головина (гвардия, 8 солдатских

полков, 1 драгунский; всего 16 192 человека), Адама Адамовича Вейде (генеральский старый Лефортовский полк, 9 солдатских, 1 драгунский; всего 11 314 человек) и Никиты Ивановича Репнина (генеральский старый Бутырский полк, 9 солдатских; всего 10 679 человек).

Состав этих трех генеральств, прежде всего численный, в ходе Северной войны будет меняться в силу разных причин. В первых же военных кампаниях эти генеральства составляли основу регулярной армии петровской России.

В начальный период войны пехотные полки имели по штату полковника (командира), подполковника, майора, 9 капитанов, капитан-поручика, 11 поручиков, 12 прапорщиков, полкового обозного, полкового писаря, 36 сержантов, 12 каптенармусов, 12 подпрапорщиков, 48 капралов, 12 ротных писарей, 46 денщиков. Младший командный состав – сержантов, каптенармусов, подпрапорщиков и капралов – «полковникам велено выбрать из рядовых солдат».

По штату в полку инфантерии насчитывалось 1152 человека из нижних чинов. А вместе с офицерами и полковыми музыкантами (барабанщиками и сиповщиками) – 1238 человек.

В полку имелось 12 знамен, среди них одно с государственным (черным или коричневым двуглавым орлом под тремя золотыми коронами) гербом и еще 11 так называемых походных («повседневных») ротных цветных знамен. Ротные знамена образца 1700 года были украшены выходящей из облака рукой с мечом в обрамлении пальмовых ветвей. В последующем число знамен в полках стало численно уменьшаться.

Полк и его подразделения: батальон, рота, плутонг, капральство имели постоянный численный состав. Соединения (дивизия, бригада) постоянного штатного состава не имели. Так, дивизия обычно имела в своем составе 2–3 бригады, бригада состояла из 2–3 полков. Подобную структуру получила и кавалерийская дивизия. Полк же состоял из 2 батальонов и полковой артиллерии, батальон – из 4 фузилерных рот (из 8 рот в полку одна рота – гренадерская), рота делилась на 4 плутонга (взвода), плутонг – на 2 капральства.

Петровская армия за годы Северной войны прошла не одну реорганизацию. В 1710 году в ней состояло, помимо гвардии (Преображенский и Семеновский полки), 47 пехотных и 5 гренадерских полков. Последние были сформированы из гренадерских рот армейской инфантерии. Петр I счел такое количество пехотных полков на войне излишним. Действительно, раздутые штаты генеральств (дивизий) мешали командовать ими.

В 1711 году он установил новые штаты полевой армии: «всего инфантерии 42 полка» (два гвардейских, 5 гренадерских и 35 пехотных фузилерных). В них намечалось иметь 52 164 строевых солдат и унтер-офицеров и 10 920 нестроевых. Всего 62 454 нижних чина. Часть армейских полков расформировывалось для доукомплектования тех, которые оставались в армейских рядах.

В годы Северной войны полковая структура не раз менялась. Полки имели, как правило, два батальона – каждый по четыре фузилерные роты. Гвардия и Ингерманландский пехотный полк имели по три батальона (12 рот). Только в 1711 году окончательно утвердился штат полка: два батальона из 8 рот (одна из них вновь стала гренадерской).

Численность пехотного полка по штатам 1711 года была следующей: 40 штаб-офицеров и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 1120 рядовых строевых, 247 рядовых нестроевых. В каждой роте было 4 обер-офицера, 10 унтер-офицеров и 140 рядовых строевых. Всего в пехотном полку насчитывалось 1487 офицеров и солдат. Постоянный состав имели лишь части и подразделения от полка и ниже. Состав дивизий и бригад менялся в зависимости от обстановки.

Петр I, устраивая организацию инфантерии русской армии, стремился к максимальному увеличению боевого (строевого) состава и максимального сокращения нестроевых чинов. Теперь пехота действующей полевой армии состояла по штату из 54 560 строевых нижних чинов и всего 3396 нестроевых солдат. Для европейских армий это было поразительное соотношение пехотных бойцов: тех, кто вел бой, и тех, кто обеспечивал ведение этого боя.

Характер войны со Швецией, когда действия русской стороны изобиловали морскими десантами на неприятельской территории, операциями прибрежных (шхерных) флотилий, потребовал создания нового рода пехоты – морской. В 1705 году началось формирование первого такого полка двухбатальонного состава. Его штат определили в 1250 рядовых, 70 унтер-офицеров и 45 офицеров.

Вооружение всей пехоты было однообразно: фузея (ружьё) с багинетом. Багинет – металлическое лезвие с деревянной рукояткой, вставляемой для ведения рукопашного боя в канал ствола. В 1706–1708 годах багинет был заменен трехгранным штыком, благодаря чему стало возможно одновременно поражать противника огнем и штыком. Введение штыка уничтожило разделение инфантерии на мушкетеров и пикинеров, упростило ее организацию и сделало ее на войне более самостоятельной. Фузей пехотный полк имел 1142. В отличие от европейской пехоты, пикинеры в русской регулярной армии отсутствовали с момента ее создания.

Фузея (почти все ружья были теперь отечественного производства) имела калибр 0,78 дюйма и вес 14 фунтов. Она была снабжена ударно-кремневым замком. Прицельная дальность фузеи составляла 300 шагов, скорострельность для хорошо обученного пехотинца – 1–2 выстрела в минуту. Но меткость попадания из таких ружей была незначительной. Солдатам выдавались 50 патронов комплектных и 10 учебных. 30 комплектных патронов пехотинец носил при себе в патронной сумке.

Потеря части пехотного и драгунского оружия в сражении под Нарвой восполнилась достаточно быстро. К середине апреля 1701 года на 30 с лишним тысяч урядников и рядовых уже имелось почти 26 тысяч фузей, остальные имели копья и бердыши. Отсутствовало лишь большое число шпаг для нижних чинов.

Кроме фузеи со штыком пехотинец имел для ведения рукопашного боя еще шпагу. Офицер кроме шпаги имел еще протазан, унтер-офицер – алебарду. В огневом бою они не участвовали, командуя людьми.

Кавалерия русской регулярной армии изначально была драгунского типа. Как и пехота, она имела дивизионную организацию. Кавалерийская дивизия состояла из 2–3 бригад, бригада – из 2–3 полков, полк – из 5 эскадронов (шквadroнов), эскадрон – из 2 фузилерных рот (из 10 рот в полку одна рота гренaдерская).

В 1711 году было установлено иметь в армии 33 полка регулярной кавалерии: 3 гренaдерских и фузилерных (драгунских). Общая численность регулярной кавалерии определялась в 43 824 человека. Из них служилых (то есть строевых) – 34 320 и неслужилых (нестроевых) – 9504 человека. Лошадей драгунских надлежало иметь 33 тысячи и лошадей тележных – 9930.

Первоначально записанные в кавалерию обязывались приходить на государеву службу со своими лошадьми. То есть так, как это было в поместной дворянской коннице. Но не все такие «личные» кони оказывались пригодными для кавалерийского дела, да еще в идущей войне. Да и какое-то немалое число «приписных» в кавалерию (в драгуны) коней не имели, поскольку те стоили больших денег.

Тогда царь Петр I повелел ассигновать «на покупку лошадей для свейской (шведской) службы» огромную денежную сумму в 100 тысяч рублей. Больше всего лошадей для русской армии традиционно закупалось у калмыков, чьи бессчетные табуны паслись в задонских степях.

Численность полка конных солдат по штатам 1711 года была следующей: 38 штаб-офицеров и обер-офицеров, 80 унтер-офицеров, 920 рядовых строевых, 290 рядовых нестроевых. В роте было 3 обер-офицера, 8 унтер-офицеров, 92 рядовых драгуна. Всего в драгунском полку было 1328 офицеров и солдат. В нем надлежало иметь одну тысячу строевых лошадей и 300 тележных. К концу Северной войны штаты драгунских полков несколько изменились: число строевых лошадей в них увеличилось на 101. На вооружении драгун имел облегченную 12-фунтовую фузею без штыка, палаш и два пистолета.

Петр I внес большое новшество в организации армейской кавалерии, создав корволант (конный корпус). Он был непостоянного состава и насчитывал обычно 6–7 тысяч конников. В ряде случаев ему придавалась пехота с артиллерией. Корволант предназначался для самостоятельных действий на большом удалении от главных сил армии. Так в начале XVIII века в России впервые была создана стратегическая конница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.